

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОГРАФИЯ

УДК 902.2

В. А. Лапшин, В. Н. Седых

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В АРХЕОЛОГИЧЕСКОМ ИЗУЧЕНИИ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ РУСИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

За последнее двадцатилетие радикально изменилась экономическая основа полевых археологических исследований. Бюджетная археология осталась в прошлом. Строительный бум, парадоксальным образом сопровождавший экономический кризис 90-х годов, способствовал стремительному расширению охранных раскопок в исторических городах. Работы ведутся по заказу хозяйствующих субъектов (промышленных и строительных организаций), чья деятельность нарушает целостность культурного слоя. Исследованные площади измеряются гектарами, раскрыты целые кварталы во всех основных средневековых центрах. Если раньше археологов привлекали прежде всего древнейшие части городов, то теперь исследованиями охвачены и периферийные территории, позволяющие проследить развитие поселенческих структур вплоть до XVIII в. включительно. В Северо-Восточной Руси лидируют по вскрытым площадям Владимир, Тверь и Москва. Темпы и масштабы полевых исследований породили и трудности. Остро встает проблема организации музейного хранения. Несмотря на то, что количество археологических изданий, финансируемых за счет спасательных раскопок, выросло на порядок, публикация и научное осмысление новых материалов существенно отстают от полевых исследований. В гораздо меньшей степени охранные раскопки затронули сельские памятники. Второй формой финансирования стала система грантов. Она позволила в последние годы осуществить несколько крупных исследовательских проектов, для которых характерно комплексное использование естественнонаучных методов. В целом отечественная археология приблизилась к западноевропейской системе финансирования со всеми ее положительными и отрицательными особенностями.

Несмотря на изменившуюся социально-экономическую ситуацию археологическая мысль развивается в русле тенденций и направлений, определившихся в предыдущие десятилетия [1]. В последние годы вышли в свет фундаментальные издания материалов ряда конференций, основу которых составляют исследования по археологии Северо-Восточной Руси: «Русь в XIII веке: Древности темного времени» (2003) [2], «Русь в IX-

XIV веках: взаимодействие Севера и Юга» (2005) [3], «Сельская Русь в IX–XVI веках» (2008) [4], а также издания материалов семинаров «Археология Владимиро-Суздальской земли» (2007, 2008) [5; 6]. Они не столько подвели итоги, сколько стали площадкой для первого предварительного обсуждения новых археологических данных.

Изучение средневекового города. Одним из главных достижений последнего десятилетия стало создание дендрохронологической шкалы Твери XI — начала XX в., третьей после Новгорода и Пскова и первой на территории Северо-Восточной Руси [7]. На ее основе разработана локальная хронология средневековой Твери [8]. Она позволяет впервые поставить вопрос об особенностях хронологии не только Твери [9], но и других городов Северо-Восточной Руси, например Нижнего Новгорода [10] относительно общепризнанной новгородской шкалы. Возможно, некоторое запаздывание в формировании материальной культуры — специфическая особенность молодых городских центров, формировавшихся в XIII–XIV вв. Во всяком случае, как выясняется, вещевая хронология Ростова — древнейшего центра Владимиро-Суздальской Руси — по основным параметрам синхронна новгородской [11]. Сопоставление датировок, полученных методами дендроанализа и радиоуглеродного датирования, показало, что последние дают удревание относительно календарных дат [12]. Этот вывод имеет принципиальное значение при датировке памятников, слоев и комплексов с сухим слоем, в котором не сохраняется органика и, следовательно, невозможно дендродатирование.

Новый материал позволяет вернуться к обсуждению ряда устоявшихся положений, касающихся формирования, развития и структуры древнерусского города. В монографии С. Д. Захарова, посвященной исследованию города Белоозера [13] (она интересна, помимо прочего, и разработкой методики исследования размываемого культурного слоя), на конкретном материале обосновано несколько фундаментальных положений, касающихся особенностей становления севернорусского средневекового города в целом. Во-первых, он возникает, опережая формирование его сельской округи. Во-вторых, на раннем этапе существования северного города не являются обязательными укрепления [14; 15]. В-третьих, общий кризис древнерусской экономики и изменение системы расселения в XIII в. связаны не только с внешними причинами (монгольское завоевание), но и внутренними (кризис комплексного хозяйства). Белоозеро приходит в упадок именно в то время, когда в соответствии с устоявшейся историографической традицией должно было переживать период расцвета вследствие того, что не пострадало от монгольского нашествия и могло принять многочисленных беженцев из южных областей.

Новые исследования дают возможность пересмотреть и процесс сложения топографии средневекового города. По-видимому, до сих пор над историками и археологами довлеет схема развития древнейшей части Москвы, предложенная в начале XX в. И. Е. Забелиным. Она предполагает, что радиально-кольцевая планировка, складывающаяся в ходе роста посадов города от детинца в напольную сторону и наиболее ярко выраженная в структуре позднесредневековых Пскова и Москвы, была присуща древнерусскому городу изначально: укрепленная территория поэтапно вырастала из маленького мысового городища — «не много более ста сажен» в Московском кремле [16, с. 60–63]. Археологические исследования последних лет показали, что для древнейшего ядра Москвы, по-видимому, характерна приречно-рядовая застройка вдоль края верхней береговой террасы. Во второй половине XII в. была наиболее активно освоена центральная часть верхней террасы Боровицкого холма и участок второй надпой-

менной террасы в его мысовой части [17, с. 25]. Приречно-рядовая застройка, по-видимому, всегда возникала на начальной стадии развития древнерусских городов. Лишь в результате длительного развития она сменялась радиально-концентрической в том или ином ее варианте (18, с. 4). История сложения структур таких городов, как Псков и Москва, — это история роста *посадов*, а не *кремля*. В тех городах, где на территории кремля действительно обнаружены небольшие мысовые городища, хронологически им предшествующие, как в Суздале [19] или Ярополче Залесском [20, с. 20], эти укрепления никак не связаны с историей собственно города.

Проведенные в 1983–2000 гг. раскопки в одном из древнейших русских городов Верхнего Поволжья — Угличе (Угличе Поле) — выявили приречно-рядовую планировку поселения на ранних этапах его формирования и отсутствие дерево-земляных укреплений этого времени (21).

Эпизодические исследования начала 1990-х годов [22] и систематические раскопки 2004–2009 гг. в историческом центре Ярославля — на стрелке Волги и Которосли, на территории Рубленого Города — велись в преддверии 1000-летнего юбилея города и в связи с планируемым большим строительством на этой территории — воссозданием Успенского собора (Успенские раскопы), строительством частных коттеджей (раскоп у церкви Николы Рубленый город) и гостиницы «Мэриотт» (раскоп между Митрополичьими палатами и Ильинско-Тихвинской церковью). В двух последних раскопах были выявлены следы земляного вала, который, вероятно, окружал Рубленый город. Имеющиеся материалы пока не позволяют говорить о заселении исторического центра города ранее середины XII в., а устойчивая ориентировка застройки отмечается с начала XIII в. вплоть до середины XVII в., когда на месте усадебной застройки появляется новое здание Успенского собора [23; 24, с. 177–179, 242–252].

История формирования типичного города Северо-Восточной Руси в настоящее время лучше всего может быть прослежена на примере Суздаля — города, материалы раскопок которого наиболее полно опубликованы [19]. Небольшое мысовое городище на левом берегу Каменки в начале XI в. было уничтожено, а его ров забутован глиной. Вал и ров с напольной стороны были заложены в максимально выгодном с топографической точки зрения месте — там, где берега реки сближались в излучине. Застройка XI в. — приречно-рядовая, в северной части территории кремля, в то время как большая часть его территории пустовала. В XII в. рост города происходит вдоль берега реки, за пределами укреплений. Ко времени строительства укреплений окольного города приречно-рядовая застройка уже вышла за его границы (на месте будущего Ризоположенского монастыря). Очертания укреплений окольного города определялись максимально выгодным использованием рельефа местности, а не существующей застройкой. Освоение территории внутри окольного города происходило вдоль дорог, ведущих из кремля на север, восток и юго-восток. Постепенно они превращались в улицы.

Формирование территории Твери, по-видимому, подчинялось тем же закономерностям. Первоначально освоена была узкая полоса по краю верхней береговой террасы на правом берегу Волги, к востоку и западу от устья реки Тьмака. Укрепления кремля строились с использованием естественного рельефа и без учета существующей застройки, охватывая большие незастроенные территории [8].

Изучение сельской Руси. Изучение рядовых средневековых памятников Северо-Восточной Руси дает ключ к пониманию одного из важнейших явлений русской истории — становления нового центра древнерусской государственности и культуры.

Долгое время основным археологическим источником по истории сельского населения Древней Руси оставались курганные древности. Итогом этого этапа изучения явился коллективный труд сотрудников ГИМ «Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. [25; 26; 27]. Революционным для своего времени стало исследование В. В. Седова [28], обследовавшего и картографировавшего средневековые памятники центральных районов Смоленской земли. Впервые было привлечено внимание к рядовым селищам с тонким и, как правило, распаханным культурным слоем как к полноценному археологическому источнику. Эстафета была подхвачена следующим поколением археологов, которое в 1970-е — 1980-е годы перешло от анализа курганных древностей к исследованию синхронных поселений и реконструкции комплексов «поселение — могильник». Одновременно составлялись региональные археологические карты, позволившие дать общее представление о сложении систем расселения в различных регионах Древней Руси. Хотя этот этап изучения сельского населения далек от завершения, уже сейчас чувствуется недостаток в конкретных данных, которые могут быть получены только в результате полномасштабных раскопок комплекса памятников. Поэтому закономерен переход к микрорегиональным исследованиям, наметившийся в отечественной археологии в последние годы.

Одним из первых и наиболее удачных примеров данного подхода следует признать «Мининский проект». Коллектив авторов под руководством Н. А. Макарова исследовал крошечный микрорегион — группу из семи памятников, селищ и грунтовых могильников, расположенных в устье речки Дмитриевки на берегу Кубенского озера в Вологодской области [29, 30]. Проекту предшествовало длительное исследование региона, позволившее составить общее представление о сложении системы расселения [31]. Проект задуман как «попытка углубленного изучения истории колонизации компактной сельской территории на северной периферии Руси, как микрорегиональное исследование, нацеленное на выявление механизмов роста и культурных изменений» [29, т. I, с. 18]. Общий подход определили три принципиальных момента: во-первых, полевые работы изначально были организованы как «медленные раскопки» с тонкими методами разборки культурного слоя, во-вторых, археологическая часть проекта дополнялась естественнонаучными исследованиями, адаптированными к специфике конкретных памятников, в-третьих, параллельно исследовались поселения, могильник и хозяйственная зона, принадлежащие одному археологическому микрорегиону [29, т. I, с. 18–19]. При выработке подходов к изучению древнерусских селищ учтены разработки современной западноевропейской, в особенности североευропейской археологии, которая демонстрирует многообразие конкретных исследовательских приемов и гибкость полевых методик.

Результатом микрорегионального исследования является ряд выводов общего характера. Главными факторами мощного демографического и экономического подъема сельских областей Северной Руси X–XIII вв. явились климатический оптимум, способствовавший распространению земледелия на север, а также спрос на пушнину, включивший Русский Север в сферу международной торговли. Уникальность исторической ситуации второй половины X–XI в. на исследуемой территории состояла в одновременности действия этих факторов. Делается вывод о том, что сельское общество северной периферии Руси представляло собой материально состоятельную, но довольно однородную среду, мало затронутую социальным и имущественным расслоением. Устойчивости и благосостоянию сельских поселений Северной Руси способствовала полити-

ческая стабильность, обеспечивавшаяся силой княжеской власти и республиканской администрации Новгорода. Военные конфликты, отмеченные в летописях, по-видимому, не затрагивали основную часть сельских поселений и не сопровождались систематическим разорением сельских территорий. Еще один вывод исследования касается влияния южнорусской колонизации. Авторы приходят к выводу, что археологические материалы раскрывают многочисленные факты подвижек населения на север внутри отдельных регионов или через границы сопредельных областей, но не подтверждают картины массового отлива населения из южнорусских земель, сложившейся в представлении историков второй половины XIX в. и прежде всего В. О. Ключевского. На северных территориях находили себе применение земледельческие навыки, а также опыт организации торговли и пушного промысла, выработанный в IX — первой половине X в. в отдельных районах в Поволховье, Приильменье, верхнем Поднепровье, Ярославском Поволжье. Наиболее отчетливо о высоком уровне организации торговли и добычи пушнины свидетельствуют материалы раскопок в Ярославском Поволжье [32; 33; 34; 35; 36; 37 и др.].

Вторая масштабная программа исследований сельских памятников Северо-Восточной Руси, о которой следует упомянуть, осуществляется Институтом археологии РАН начиная с 2001 г. в Суздальском Ополье. Ранее в результате исследований, проведенных экспедицией под руководством М. В. Седовой в 70-х — 80-х годах XX в., была выявлена связь курганных могильников, исследованных в середине XIX в. А. С. Уваровым, с крупными селищами, сделан вывод об их синхронности и приуроченности к плодородным почвам Ополя [38]. На новом этапе в результате тотального обследования микрорегиона в округе Суздаля выявлена необычайная концентрация поселений. В результате применения археологических разведок в сочетании с геомагнитной съемкой и раскопок с использованием естественнонаучных методов изучения палеоландшафтов и радиоуглеродного датирования получены принципиально новые результаты. Предварительно они сводятся к следующему. Во-первых, в результате палинологических исследований выяснено, что открытый ландшафт Суздальского Ополя представляет собой вторичное образование, сложившееся в результате средневековой колонизации территорий, занятых лесом и остававшихся незаселенными до второй четверти — середины I тыс. до н. э. [39]. Во-вторых, в X в. структура хозяйства в Ополье была такая же, как на Севере — сочетание земледелия с экспортом пушнины [40, с. 94–113; 41; 35 и др.]; земледелие и скотоводство стали доминировать только в XII–XIII вв. [42, с. 13–14]. В третьих, освоение склонов водоразделов в Суздальском Ополье фиксируется уже с начала XII в., что на столетие раньше, чем появление первых «поселений на пологих холмах» в других регионах Северо-Восточной Руси. В условиях высокой степени заселенности Суздальского Ополя оно стало лидером во внутренней колонизации [43].

Наиболее сложна социальная интерпретация материалов исследуемых селищ. С. З. Чернов, опираясь, с одной стороны, на материалы археологических обследований и естественнонаучных данных, с другой — на актовый материал XIV–XVI вв., предлагает на примере северо-восточной части Московского княжества реконструкцию закономерностей хозяйственного освоения конкретных территорий, особенностей социального устройства населения и форм феодального землевладения [44]. Плодотворен опыт выделения конкретных археологических признаков владельческого (княжеского или боярского) села в ближайшей округе Нижнего Новгорода [45].

Таким образом, несмотря на экономические трудности, археологическое исследование Северо-Восточной Руси в настоящее время переживает период подъема: масштабные полевые работы сопровождаются оперативными публикациями на высоком методическом и полиграфическом уровне, ставящими перед исследователями новые вопросы.

Список сокращений

ГИМ — Государственный исторический музей
КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР
ЛГУ — Ленинградский государственный университет
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
РА — Российская археология
РАН — Российская академия наук
СА — Советская археология
СПбГУ — Санкт-Петербургский государственный университет
СРМ — Сообщения Ростовского музея, Ростов (Ярославский)

Литература

1. Лапишин В. А. Колонизация Северо-Восточной Руси в IX–XI вв. в свете новых археологических материалов // Старая Ладога и проблемы археологии Северной Руси. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2002. С. 101–113.
2. Русь в XIII веке: Древности темного времени / Отв. ред. Н. А. Макаров, А. В. Чернецов. М.: Наука, 2003. 406 с.
3. Русь в IX–XIV веках: взаимодействие Севера и Юга. М.: Наука, 2005. 326 с.
4. Сельская Русь в IX–XVI веках. М.: Наука, 2008. 418 с.
5. Археология Владимиро-Суздальской земли. Материалы научного семинара. Вып. 1. М.: Ин-т археологии РАН, 2007. 169 с.
6. Археология Владимиро-Суздальской земли. Материалы научного семинара. Вып. 2. М.: Ин-т археологии РАН, 2008. 224 с.
7. Черных Н. Б., Карпунин А. А. Абсолютная дендрохронологическая шкала Твери XI — начала XX в. // Российская археология. 2004. № 3. С. 68–78.
8. Лапишин В. А. Тверь в XIII–XV вв. (по материалам раскопок 1993–1997 гг.). СПб.: Факультет филологии и искусств С.-Петербург. университета, 2009. 540 с.
9. Лапишин В. А. Хронологическая шкала Новгорода и проблемы хронологии средневековой Твери // Вестн. Новгородск. ун-та. Сер. Гуманитарные науки. 2005. № 33. С. 31–37.
10. Лапишин В. А. Нижегородский кремль по материалам раскопок 2001/2002 г. // Вестн. Нижегородск. университета. Сер. История. 2005. Вып. 1(4). С. 89–95.
11. Самойлович Н. Г. Стратиграфическое распределение и хронология массовых находок в культурном слое Ростова Великого // Сообщения Ростовского музея. Вып. X. Ростов: Музей-заповедник «Ростовский Кремль», 2000. С. 268–275.
12. Попов С. Г. Хронология раскопа Тверской кремль-11 как результат сопоставления данных радиоуглеродного анализа и дендрохронологии // Тверской кремль: комплексное археологическое источниковедение (по материалам раскопа Тверской кремль-11, 1993–1997 гг.). СПб.: «Европейский дом», 2001. С. 69–79.
13. Захаров С. Д. Древнерусский город Белоозеро. М.: Индрик, 2004. 592 с.
14. Захаров С. Д. Оборонительные сооружения как индикатор социального статуса севернорусских поселений // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. Вып. 221. М.: Наука, 2007. С. 24–34.
15. Захаров С. Д. Исследования средневекового Белоозера // Археологические открытия.

1991–2004 гг. Европейская Россия / Под ред. члена-корр. РАН Н. А. Макарова. М.: Наука, 2009. С. 408–414.

16. Забелин И. Е. История города Москвы. М.: И. Н. Кушнерев, 1905. (репринт. изд. — М.: Столица, 1990). 652 с.

17. Панова Т. Д. Историческая и социальная топография Московского кремля в середине XII — первой трети XVI в. (опыт комплексного исследования). К проблеме формирования территории древнерусского города: Автореф. док. дис. М., 2003. 53 с.

18. Мокеев Г. Я. Типология древнерусских городов // Архитектурное наследство. Вып. 25. Гос. изд-во литературы по строительству и архитектуре, 1976. С. 3–11.

19. Седова М. В. Суздаль в X–XV вв. М.: Русский мир, 1997. 320 с.

20. Седова М. В. Ярополч Залесский. М.: Наука, 1978. 158 с.

21. Томсинский С. В. Угличе Поле в IX–XIII веках. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2004. 320 с.

22. Праздников В. В. Археологическое изучение г. Ярославля в 1992–1994 гг. // Археология Ярославского края. Вып. 1. Рыбинск: Рыбинский краеведческий музей, 1998. С. 19–26.

23. Фараджеева Н. Н., Осипов Д. О. Археологические исследования в историческом центре Ярославля (Успенский раскоп. 2004–2006 годы) // Археология: история и перспективы. Сб. статей 3-й межрегиональной конференции. Ярославль: Ярославский музей-заповедник, 2007. С. 170–183.

24. Аграфонов П. Г., Праздников В. В., Спиридонова Е. В. История ярославской археологии. М.: Квадрига, 2009. 287 с.

25. Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. М.: Советская Россия, 1956 (Труды ГИМ. Гос. ист. музея. Вып. 32). 255 с.

26. Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. М.: Советская Россия, 1959 (Труды ГИМ. Вып. 33). 236 с.

27. Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. М.: Советская Россия, 1967 (Труды ГИМ. Вып. 43). 296 с.

28. Седов В. В. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли (VIII–XV вв.) // МИА. Вып. 92. М.: Изд-во АН СССР. 1960. 159 с.

29. Археология севернорусской деревни X–XIII веков: средневековые поселения и могильники на Кубенском озере: В 3 т. / Отв. ред. Н. А. Макаров. М.: Наука, 2007–2009.

30. Макаров Н. А. Неизвестное средневековье: сельские поселения и могильники на Кубенском озере // Археологические открытия. 1991–2004 гг. Европейская Россия / Под ред. чл.-корр. РАН Н. А. Макарова. М.: Наука, 2009. С. 415–429.

31. Макаров Н. А., Захаров С. Д., Бужилова А. П. Средневековое расселение на Белом озере. М.: Языки русской культуры, 2001. 496 с.

32. Ярославское Поволжье X–XI вв. М.: Советская Россия, 1963. 144 с.

33. Дубов И. В. Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья. Л.: Изд-во ЛГУ, 1982. 248 с.

34. Фехнер М. В., Недошивина Н. Г. Этнокультурная характеристика Тимеревского могильника по материалам погребального инвентаря // СА. 1987. № 2. С. 70–89.

35. Фехнер М. В. Бобровый промысел в Волго-Окском междуречье // СА. 1989. № 3. С. 71–78.

36. Добровольский И. Г., Дубов И. В., Седых В. Н. Монетные находки в Ярославском Поволжье и их значение для этносоциальных и хронологических характеристик комплексов // Монеты, медали, жетоны. М.: Археографический центр, 1996. С. 175–191.

37. Седых В. Н. Монетные находки в Тимерево в контексте нумизматических данных территории Северной Руси // Труды по русской истории. Сб. статей в память о 60-летию Игоря Васильевича Дубова. М.: Изд. дом «Парад», 2007. С. 233–256.

38. Лапшин В. А. Система расселения в центральном районе Ростово-Суздальской Руси X–XIII вв. и природный фактор // Человек и окружающая среда в древности и средневековье. М.: Наука, 1985. С. 101–104.

39. Алешинская А. С., Кочанова М. Д., Макаров Н. А., Спиридонова Е. А., Карпухин А. А. Ландшафты Суздальского Ополя и влияние на них человека в Средневековье (по данным археологических и палеоботанических исследований) // *Сельская Русь в IX–XVI веках*. М.: Наука, 2008. С. 127–156.
40. Потин В. М. Монеты в погребениях древней Руси и их значение для археологии и этнографии // *Труды Гос. Эрмитажа. Том XII. Нумизматика*. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1971. С. 49–119.
41. Равдина Т. В. Погребения X–XI вв. с монетами на территории Древней Руси. Каталог. М.: Наука, 1988. 152 с.
42. Макаров Н. А. Археологическое изучение севернорусской деревни: пути, подходы, результаты) // *Сельская Русь в IX–XVI веках*. М.: Наука, 2008. С. 5–15.
43. Шполянский С. В. Заселение водоразделов в Суздальском Ополе (по материалам исследований последних лет) // *Сельская Русь в IX–XVI веках*. М.: Наука, 2008. С. 157–170.
44. Чернов С.З. Микрорегиональные исследования сельской Руси XIII–XVI веков как форма сопряженного изучения археологических и письменных источников: возможности, проблемы, перспективы // *Сельская Русь в IX–XVI веках*. М.: Наука, 2008. С. 16–28.
45. Грибов Н.Н. Русское владельческое село удельного периода (по материалам раскопок селища Ближнее Константиново-1) // *Сельская Русь в IX–XVI веках*. М.: Наука, 2008. С. 253–264.

Статья поступила в редакцию 12 октября 2010 г.